

Владислав Крапивин

БРАТ, КОТОРОМУ СЕМЬ

Повесть в рассказах

Рисунки Юлии Хотян

Москва
Издательский Дом
Мещерякова
2019

Зелёная Грива

Город на три года старше Альки. Городу всего десять лет. Раньше на его месте была маленькая деревня с кособокими избами. Она называлась Крутой Лог, потому что стояла недалеко от большого оврага. Сейчас вместо деревянных изб кругом стоят многоэтажные дома из кирпича или больших бетонных панелей. В общем, от деревни и следа почти не осталось. А лог остался. Он совсем недалеко от Алькиного дома. Надо только перебежать двор и пролезть между деревянными планками решётчатого забора. Худенький Алька легко пролазит.

От забора через кусты рябины и боярышника бежит тропинка. Она и ведёт к оврагу.

Но овраг начинается не сразу. Сначала идёт совсем пологий зелёный склон. Он покрыт невысокой травой с продолговатыми листиками. Есть у этой травы и цветы, только они чуть заметные. Совсем крошечные белые звёздочки.

А ещё здесь растут одуванчики.

Солнечные цветы одуванчиков — Алькины друзья. Ляжешь на траву, а они гладят тебя по лицу, ласковые, мягкие. И запах у них такой, что сразу вспоминается росистое утро, хотя на самом деле уже наступил жаркий день. А когда одуванчики отцветают и на них появляются пушистые шарики семян, можно отправлять в путешествие парашютистов. Сорвёшь, дунешь — и стайка семян, как крошечные человечки на парашютах, улетает под тихим ветром. А куда — никто не знает...

Правда, один раз из-за парашютистов была у Альки неприятность. Девчонка Женька из четырнадцатой квартиры сорвала травинку и сказала:

— Спрячь, Алька, где хочешь. Всё равно найду, вот увидишь. Только не бросай на землю.

— Ладно, — согласился Алька. — А ты не подглядывай.

Женька зажмурилась и отвернулась. Тогда Алька запутал травинку в волосах. Он как раз давно не стригся, а волосы у Альки светлые и густые. Пригладил Алька голову и сказал:

— Готово.

Женька пошарила у него в кармане на рубашке, велела кулак разжать, потом проверила, не спрятал ли Алька травинку в тапки, и наконец решила:

— Ты её в рот затолкал. Показывай.

Алька ухмыльнулся и рот разинул изо всех сил. А Женька — раз! — и туда ему всю компанию одуванчиковых парашютистов вместе со стебельком...

Алька догнал Женьку только у забора, когда она застряла между рейками. Женька зажмурилась и так заорала от страха, что Алька не стал её трогать. Только взял в кулак её тонкую косу и один раз треснул Женьку лбом о рейку. За это Альке попало от своей старшей сестры Марины. Но одуванчики-то здесь ни при чём, во всём была виновата Женька...

Если пройти немного вниз по склону, окажешься на краю крутого лога. Его берега заросли полынью, бурьяном и коноплей. А на самых обрывистых местах желтеют пятна голой глины.

По дну лога течёт речка Петушиха. Почему у неё такое название, Алька не знает. И никто не знает. Никаких петухов на её берегах не водится. Иногда только плавают в речке чьи-то белые утки.

Петушиха — речка неглубокая, почти везде Альке по колено. Тихо качаются в её струях острые листья осоки. Синие стрекозы неподвижно висят над водой, смотрят, наверное, как пляшут в ней золотые змейки солнца.

А речка знай бежит себе среди мокрой травы, бежит туда, где берега оврага становятся совсем низкими и расходятся широко-широко, будто приглашают Петушиху поскорее слиться с большой рекой.

По большой реке днём и ночью идут пароходы и гудят так, что даже в городе слышны их голоса.

Алька любит бегать с ребятами по оврагу, карабкаться по откосам, прятаться в полынных зарослях. Можно подумать, что кругом дикие горы и африканские джунгли. Иногда Алька

так напридумывает, что самому станет жутковато: а вдруг выглянет из бурьяна косматая львиная голова да как рыкнет!..

Любит Алька охотиться за стрекозами, смотреть, как ведут свою неторопливую жизнь красные жуки с чёрными узорами на плечах, и бродить в тёплой воде Петушихи...

Но больше всего Алька любит свою берёзу. Она растёт на зелёном склоне, почти над самым логом.

Берёза эта особенная. Сначала ствол её поднимается прямо вверх, но в метре от почвы изгибается и вытягивается над землёй, а потом уже снова делается прямым и устремляется высоко в небо.

Алька любит сидеть верхом на изгибе ствола. Будто это лошадь, белая, в чёрных яблоках. Есть у Альки сабля. Он её сам вытесал кухонным ножом из обломка доски. Доска была кривая, и сабля получилась изогнутая, как настоящая. Гикнет Алька, пригнётся к лошади — и марш в атаку!

А иногда Альке кажется, что он богатырь из сказки. И лошадь у него волшебная, великанская. Высоко под облаками шумит её зелёная грива. Неспешным шагом выходит конь на простор.

Слева — трубы завода, где работает Алькин отец. Большой завод, новый, вырос вместе с городом. Справа — новые дома, а за ними встаёт синее марево далёкой реки. А впереди, за логом, — только луга, да берёзовые рощицы, да синий лес далеко-далеко. Сейчас богатырским скачком перемахнёт Алькина лошадь на тот берег и понесёт его, шумя зелёной гривой, по незнакомым землям.

Если на горизонте лежат жёлтые кучевые облака, Алька думает, что это высокие горы далёких стран. Если небо чистое, он думает, что конь вынес его на край земли, на берег океана. Это потому, что склон обращён на север, и солнце никогда не слепит Альке глаза: оно или сзади, или сбоку. А небо с северной стороны всегда самое синее...

Иногда, набегавшись среди конопляных джунглей и порубив целые полки бурьяновых кустов, Алька садится на свою лошадь и устало прижимается щекой к прохладному белому стволу. И слышит тихий ровный шум. «Ты о чём шумишь, Зелёная Грива?» — «Обо всём». — «Тебе всю землю видно с высоты?» —

Алька ищет друга

Алька не спал. Он слушал дыхание незнакомых мальчишек. Слушал, как поскрипывают кроватные сетки, когда кто-нибудь повернётся с боку на бок. Смотрел в синее ночное окно. За окном стояли строгие немые берёзы. Они со всех сторон окружали дачи пионерского лагеря. Берёзы казались вырезанными из чёрного картона. Каждый листик был совершенно чёрный и неподвижный.

Чёрным был и переплёт окна, похожий на большую букву Т. Альке чудилось, что окно хмурит брови. Оно было чужим, это окно. За ним не блестели огоньки завода, которые Алька видел дома, когда ложился спать. Он видел их целых семь лет, каждый вечер, и привык к этим огонькам. А здесь светили только редкие зелёные звёзды.

И всё здесь было незнакомым... Только где-то в соседней даче спала Марина. Но Марине в лагере было не до Алькиных переживаний. Её выбрали в совет дружины, и она целый день сегодня бегала между дачами, о чём-то хлопотала. Один раз только по привычке бросила на бегу:

— Александр, не смей ходить босиком!

Она всегда так с Алькой разговаривает. Не то что мама. Алька вспомнил маму, и ему ещё сильнее захотелось домой. Так захотелось, что Алька перевернулся на живот, уткнул лицо в подушку и всхлипнул.

— Ты чего... ревёшь?

Алька поднял лицо и снова услышал негромкий шёпот:

— О чём ты?

Алька не знал, кто лежит на соседней кровати. Этого мальчишку вожатая привела в палату, когда было уже темно и все почти спали. И Алька тогда притворился, что спит.

Сейчас он шмыгнул носом и смущённо прошептал:

— Ни о чём.

И снова услышал:

— Ты первый раз в лагере, ага?

— Ага, — прерывисто вздохнул Алька.

Трещал бледный огонь. Сизый дымок таял, запутавшись в берёзовых листьях. Самые нижние листики желтели и скручивались от жары. Алька подкидывал щепки. В общем, всё шло хорошо. Потом одной рогатине надоело стоять, и она повалилась. А утюг упал в костёр.

— Ничего, — хладнокровно сказал Лапа. — Он железный. Так даже лучше нагреется. Кидайте дрова.

Через несколько минут утюг выкатили из костра палкой. Он лежал в траве и шипел. От земли шёл пар.

Трава сразу обуглилась.

Лапа велел Альке принести большой лопух, а Мишке — расстелить на траве брюки. Потом он обернул лопухом ладонь и взял утюг за ручку.

— Начали, — сказал Лапа, поднял утюг, взвыл и бросил его.

От лопуха шёл дым. От штанов тоже шёл дым, потому что утюг упал прямо на них. Лапа крутился на одной ноге и дул на ладонь. Мишка мужественно ударил по утюгу босой пяткой и сбросил его с брюк. После этого он взялся за пятку и тоже стал крутиться на одной ноге.

Один Алька не крутился. Он стоял неподвижно и смотрел на коричневое пятно, которое осталось на штанине.

Пятно точно сохранило красивую форму утюга.

— Знаешь что? — сказал Мишка, когда перестал танцевать. — Ты их лучше надень, пока они живы.

Алька надел. Брюки были пятнистые и твёрдые, будто из жести.

— Ничего, — утешил Лапа. — Главное, что длинные. Ты же, Сань, не стилияга. Чего их гладить?!

Они затушили костёр и пошли в лагерь. После нескольких шагов коричневое утюжное пятно вывалилось целиком из штанины. Сквозь громадную дыру Алька увидел свою исцарапанную ногу.

Через несколько минут по лагерю двигалось печальное шествие. Впереди, глядя под ноги, шёл Алька. За ним медленно следовал Лапа. Он иногда качал лохматой головой, будто удивлялся чему-то. За Лапой нестройной толпой шли мальчишки и девчонки из малышowego отряда.

Алька тихо сказал вслед:

— А мне... будто не хочется пить, да?

Они пришли в лагерь, когда был мёртвый час. Алька сразу побежал к столовой и обрадовался: у кухонного домика никого не оказалось.

Алька отвернул кран и стал ловить ртом тугую холодную струю. Вода хлестала в лицо, бежала по искусанным комарами плечам и спине, ударяла брызгами по ногам, изрезанным осокой.

Потом он с фляжкой в руках прибежал к изолятору. Стукнул в окно.

— Открой, Лапа. Не бойся, никого нет.

Лапа открыл.

— Тебе всё ещё скучно? — с хитрой искоркой в глазах спросил Алька.

— Какое веселье... — мрачно сказал Лапа.

— Ничего, — утешал Алька. — Где там у тебя банка из-под малинового варенья?

Капли скачут по асфальту

(Алькин рассказ)

Дождики, они ведь бывают разные. Одни — такие спокойные, деловитые, вроде дворника дяди Кости. Пригладят всё, траву польют, асфальт вымоют и скроются — снова небо синее, и асфальт синий. А бывают серые, скучные, вроде соседки Валентины Павловны. Она как начнёт ворчать, так до вечера не остановится... Есть ещё грозовые дожди, только я не знаю, на кого они похожи, я таких людей в жизни не встречал, разве что в сказках. Налетят, загремят, будто Кащей со своим войском, и давай всё срывать и ломать.

В прошлом году, весной, один такой ураган на углу нашей улицы тополь из земли вывернул. С корнями. И обломал весь. Только всё равно тополь не погиб. Собрались люди ближних домов, тополиные сучья врыли в землю вдоль всего квартала, как саженьцы, и они выпустили побеги. Маленькие тополята. А мы —

Валерка, Женька и я — притащили во двор целое тополиное бревно. И посадили. В этом году уже ветки длиною в метр...

А из дождей мне больше всего нравятся такие, которые идут при солнце. Они шумные и короткие. Они, по-моему, похожи на мальчишек. На Валерку, на меня. И на Женьку, хоть она и девчонка. Весёлые они...

Целую неделю такие дождики плещутся на нашей улице. Капли большие, тёплые, будто спелые вишни, только прозрачные. Скачут по асфальту, разбиваются на брызги...

Мы с Женькой сидели в их подъезде. Потом она сказала:

— Давай до вашего! Бегом!

Мы промчались под дождиком до нашего подъезда. И я сказал:

— Давай до вашего!

— Давай!

Прибежали обратно, а там Валерка нас ждёт. Мокрый весь, майка и трусики облипли, на ушах капли как серёжки висят. И смеётся.

Мы обрадовались. С Валеркой веселее.

Он всегда смеётся, такой уж у него характер.

И тут дождик перестал. Мы выскочили во двор. Там всё сверкало, а на самой середине растекалась красивая лужа. Как озеро.

У лужи лежал сколоченный из досок гриб. Его вчера привезли на грузовике и сказали, что будет у нас во дворе детская площадка.

Площадка — это хорошо, только зачем на ней грибки эти ставят, я совсем не понимаю. Вкопают их и говорят: «Вот, дети, для вас благоустройство». А что с этими грибками делать? От солнца под ними прятаться? А зачем от него прятаться, от солнца? Лучше бы сделали гигантские шаги или большие качели.

Но этот гриб нам пригодился. Женька придумала:

— Давайте корабль сделаем! Море есть, берега есть! — И показывает на лужу. А лужа синяя, будто и правда море. Тучки в ней плывут.

Мы перевернули гриб совсем вверх тормашками, и он оказался в луже. Совсем как лодка с мачтой, только квадратная, Женька первая влезла в эту лодку, а потом спрашивает:

— А не влетит?

— За что? — говорит Валерка. — Он ещё даже и не крашенный.

И мы будто поплыли. Пошевелишься чуть-чуть, и наш корабль качается. Вода под ним плещется. Качнёшься сильнее — сильнее — брызги летят!

— Давайте шторм делать! — закричал Валерка. Ну, мы и принялись раскачиваться. Такой шторм получился!

Вдруг кто-то как заорёт:

— Это как называется!

Я чуть за борт не свалился. Смотрю, а перед нами Марина стоит, моя сестра. Она в девятый класс перешла, такая вся из себя взрослая. А рядом Котька Василевский, из её класса. Кричала-то, конечно, Марина.

— Марш, — говорит, — отсюда! Люди трудились, сколачивали грибок, а вы что делаете!

В это время во двор пришёл Витька Капустин с футбольным мячом. Мяч намокший, тяжёлый. Витька его за шнурок нёс.

Покачал он мячом и спрашивает:

— Что, Алька, опять тебя воспитывают?

А Марина:

— Ты, Капустин, по-жа-луй-ста, не вмешивайся.

— Я и не вмешиваюсь. Воспитывай.

Марина снова взялась за нас:

— Вылезайте сию минуту! Ну!

Я на всякий случай вылез. И Женька. А Валерка стал перебираться через борт, зацепился сандалией и шлёпнулся на живот. Встал и улыбается. Только совсем уже не весело улыбается, потому что вся его белая майка заляпана грязью.

Женька говорит:

— Ой...

А я Марине:

— Из-за тебя!

Она плечами дёрнула и отошла. Валерка потёр пальцем грязное пятно на майке и перестал улыбаться. Женька вздохнула: «Беда с вами». Взяла его за руку.

— Пойдём к нам, выстираю... Пошли, Алька!